

Марианна Красовская

БЕРОВА ТРОПА

Марианна Красовская

Берова тропа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68990446

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой княжич Ольг встретился в лесу с медведем и проиграл бой. Его нашла и выходила лесная ведьма. С повязкой на глазах он почти влюбился в заботливые руки и звонкий голос, но, увы, сняв повязку, увидел вовсе не то, чего ждал. Убежал, конечно, но остались сомнения: кто такая эта лесная ведьма? И отчего ему кажется, что она вовсе не такая, какой он ее видит?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ведьма	10
Глава 2. Испытания	19
Глава 3. Новый день	28
Глава 4. Разговоры	36
Глава 5. Ведьмины милости	46
Глава 6. Истина	55
Глава 7. Живой	64
Глава 8. Бытие княжеское	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Марианна Красовская

Берова тропа

Пролог

В третий раз ударил колокол над Красной площадью Бергорода. И снова град оставался сиротой: народ бесновался, вопил, топал ногами и свистел, а князя так и не избрал. Криков и шума было одинаково что за старого Никиту Кожевника, что за хитрого Василия Правого, что за юного Ольга Бурого.

Вернее сказать, никто не был народу люб. И не помогли даже нанятые «свистуны». У каждого из соперников были свои недостатки. Один слишком стар и медленен что на слово, что на дело. Осторожность – оно и неплохо, когда она в разумных пределах, но в битве али в переговорах медлительность может подвести под плаху. Второй слыл хитрецом и обманщиком, да благо бы чужих обводил вокруг пальца, так и друзья ему были не друзья, а лишь средство достижения цели. А что до Ольга... всем хорош, казалось бы, но где это видано, чтобы князем ставили юнца, у которого только-только борода начала расти? И что с того, что Ольг крепок как дуб и силен как бер? Сила – это неплохо, но жизнен-

ный опыт и мудрость важнее.

Вот пришёл бы на «Сговор» Андрий Силянович... тут ещё могли люди пошуметь за него. Но Андрий как-то уж очень неудачно сломал ногу, грохнувшись с крыльца, да добре бы просто сломал, так нет, пьян был при этом как свинья и распевал похабные песни. Кому ж такой князь сдался?

Ну а вообще бергородцы не зря не спешили выбрать хозяина: их вполне устраивал Совет посадских. От каждого конца выбирался «старший», разумеется, боярин, да побогаче, породовитее, который и вершил все суды на «своих» улицах. А что касалось вопросов серьезных, затрагивающих весь город в целом, то решали как раз советом.

Решали скверно: денег в городской казне давно уж не было. Торговцы не платили дань, им дешевле выходило сунуть кошель серебра нескольким «старшим» и получить грамоту, что позволяла не платить налог. И если цены они ещё держали в разумных пределах, жителей не обирая (а попробуй завысь – люди не дураки, они в Лисгороде будут те же шкуры и сыры покупать), то в казну не шло совершенно ничего. То же касалось и штрафов: «денежные» наказания с легкостью заменялись палками или плетью, вот только должник по древнему закону покупал себе «замену». И снова выходило дешевле подставить под плеть плечи бедняка за пару кусков, а то и миску каши, чем платить виру.

Мостовая давно была разбита, княжьи палаты зарастали паутиной, городская дружина доедала хлеб без соли, а по-

жарной бригаде не платили, и они сидели по домам. Благо, пожаров крупных не случилось, а небольшие тушили всем миром. Но зато и поборов почти не было, и жители чувствовали себя в безопасности. В своих «концах» старшие старались соблюдать порядок и не допускать драк, смертоубийств и сильных разрушений, потому что потерять людское доверие, а следом и хлебное место очень легко. А вот отмыться от разговоров за спиной почти невозможно.

Приди на Бергород враг – город бы выстоял от силы неделю, да и то благодаря тем боярам, у которых ещё сохранялись личные дружины. Строго говоря, больше полудюжины воинов держать при подворье запрещалось уставом, но нигде не было написано, что конюх или трубочист не должен уметь драться. Не дружинник и ладно, неважно, что у него меч на бедре и что в трубу едва влезет одна его нога. Трубочист и точка.

Ольг все это видел и зубами от злости скрипел. Он никак не мог усидеть на месте. Жизнь в нем просто выплескивалась через край, он горел огнём, мечтая навести в «своём» княжестве порядок. Он сможет.

Юноша был упрям и сокрушительно уверен в себе, а люди были слепы. Как они до сих пор не поняли, что возраст для князя – дело наживное? И что с того, что ему всего двадцать два года? Он битв видел за свои зимы больше, чем любой боярин Бергорода. Верхом он ездил так давно, что и не помнит себя без лошади, на своих двух. Из лука стрелял как на-

стоящий кохтэ, мечом сражался так же славно, как воевода князя Вольского.

В Бергороде он жил уже четыре года, успел доказать и свою доблесть в сражениях, и разум, и хитрость. Он, пожалуй, был самым молодым членом посадского (а точнее, боярского) совета. Только потому и допустили, что у него был отцовский княжеский знак, по наследству перешедший. Княжич он по рождению. Но увы, не князь, хотя мнил себя достойным.

Слишком молод?

А кто, скажите, несколько лет назад привёл войска и отбил нападение угуров? Кто спас и Бергород, и Лисгород от долгой осады и возможной гибели? Кто отправил вовремя гонца к степному хану за помощью? Князь Вольский, быть может? Нет! Тот был застигнут врасплох! Боярин Путилов, который временно руководил советом в Бергороде? Тоже нет. Тот и вовсе понял, что происходит, только когда Олыг уже вёл подкрепление!

Ах, как Олыг был в битве хорош: могуч, ловок, непобедим. Любой, кто видел его на поле боя, подтвердил бы: истинный князь перед ним, печатью боровой отмеченный. А может, и вовсе он тот господарь, кто возьмёт под свою крепкую руку все земли моров. Ну а что, Великий Хан же смог, а он ненадолго Ольга и старше. Всего-то на восемь лет. К тому же хан Баяр за своё место под солнцем сражался с братьями, а Олыг был единственным сыном своего отца – князя Андрия

Бурого. То, что его снова не избрали в «отцы Бергородского княжества», было не просто преступной глупостью, а почти что предательством. Если не он – то кто?

Злой и страшно оскорбленный после очередного провала, Олыг вскочил на коня и прямо в ночь умчался к тому, кто его во всем поддерживал: к старинному другу своего отца, некогда князю, а ныне – боярину Вольскому. Нужно было на кого-то выплеснуть своё негодование. Ехать решил лесом, по охотничьим тропам, так быстрее, чем по тракту.

Шум в колючих кустах сластуники услышал каким-то чудом, подумал сначала – олень. Но конь вдруг захрипел и шарахнулся.

Никак, бер!

Живьём бера Олыг ещё не встречал. Жители Бергорода своего «батушку-зверя» не беспокоили. К его берлогам не ходили, охоту не вели. Но и зверь бергородцев стороной обходил, не трогал. В граде жила ручная самка бера, небольшая и очень спокойная, покладистая. Ее нашли в лесу ещё детенышем, выкормили, вырастили. С ней знакомили княжских детей и жён. Ольгу она не нравилась: бер – зверь свирепый. Ну какой противник из этой почти домашней кошки? Да, она его обнюхала, разрешила почесать себе бок – и все. Велико достижение!

Другое дело – настоящий хищник! Вот если бы он Ольга принял, то это было бы настоящее благословение!

Не раздумывая, юный княжич спрыгнул с коня и шагнул

в заросли сластуники. И только когда невероятно огромный, могучий и явно рассерженный этим наглым вторжением бер вышел ему навстречу, Олыг вдруг осознал, какой он дурак. Это чудище его могло так благословить, что до конца жизни вспоминать он будет. До очень близкого и очень болезненного конца.

© Марианна Красовская, 14.01.2023

Глава 1. Ведьма

Лето и начало осени выдались воистину щедрым, милостивым. Для того, кто живет только дарами леса – настоящая благодать. Марика каждый день приносила домой большую корзину чернойгоды, или кровяники, или грибов разных, или орехов. В маленьком огорожке за ее избушкой выросла прекрасная морковь и репа. Голодать, кажется, она грядущей зимой не будет. А травы, настои разные и целебные сборы рано или поздно принесут к ее порогу и мясо, и яйца, хлеб.

В Бергород ей идти не хотелось пока, ведьм нигде не любят. Боятся. Хотя колдовать Марика совсем не умела, ее дара лишь хватало лихоманку заговорить, влить каплю силы в целебное зелье да зажечь небольшой огонь в печи, но ведьма – это ведь от слова «ведать». Она ведала деревья и травы, чуяла их, была им роднею: дар славный, драгоценный, редкий. Мать ее ведьмой была, и бабка, и прабабка, и много-много женщин до них. Но в лесу никто не жил, это Марике повезло смертельно обидеть старого волхва и заполучить проклятье на свою шею. Оттого и от людей сбежала, от того и в лесу спряталась.

Убежала далеко, почти до самого Бергорода добралась, да тут и обосновалась. Бусы продала, купила козочку. Правда, быстро поняла, что козе уход нужен, да волки близко подхо-

дить начали, и пришлось рогатую продать. Ну и ничего, без молока проживет распрекрасно.

Избушку лесную заняла, чью – неизвестно. Возможно, и волхва проклятого, чтоб ему пусто было.

Местные как-то споро прознали про неё, угадали, что ведьма, – а кто ещё в лесу жить будет? – да принялись захаживать за зельями. Это Марику более чем устраивало. Славная, тихая жизнь. Ничуть не хуже, чем в княжеском тереме. Все сама, и никого, кроме зверей, вокруг.

Корзина с грибами уже ощутимо тянула к земле, пора было и возвращаться, но день был слишком хорош. Солнце не палило, как летом, а нежно ласкало волосы, запахи прелой листвы и зрелых лесных яблок щекотали нос, свистели птицы, трепетали на ветру золотые и багряные листья. Даже шумел осенний лес по-другому, словно печально, со стеклянной ноткой. Скоро богатство его осыплется, пойдут дожди, потом снега...

Тревожное карканье ворон ножом разрезало тишину осеннего леса. Любая ведьма знает, что это значит: где-то беда. Скорее всего, даже кровь. И ей, как хозяйке местной, нужно поспешить туда.

Марика жила милостями леса, ее не трогал дикий зверь, не кусали ползучие гады, даже мошара вездесущая не замечала. Но все это было не задаром – приходилось за милости платить: лечить лесных обитателей, выкармливать оставшихся без матери детенышей, зимой спасать зверье от голо-

да. Поневоле научишься слышать зов о помощи. Перехватив поудобнее тяжелую корзину, ведьма, склонив голову набок, как сойка, прислушалась и поняла, в какую сторону нужно идти.

Судя по поломанным кустам, тут была драка серьезная. Возможно, рогачи схватились или даже беры. Или... Звери пострашнее.

Марика увидела огромные ноги, обутое в добротные высокие сапоги и похолодела. Человек.

Лучше бы рыс или бер.

Люди – всегда плохо. Судя по роскошной обуви – человек знатный, богатый. Что с ним случилось? Ограбили, убили? Вот только разбойников в ее лесу и не хватало! Неужели придется снова бежать? Или сможет ведьма сговориться с татями? Им ведь тоже нужны перевязки и зелья от кашля...

Все это росчерком стрелы промелькнуло в голове Марики, пока она осторожно подкрадывалась к телу. Было страшно. А ну как живой – и ее по ошибке ударит?

На всякий случай громко, медленно, певуче заговорила:
– Я тебе не враг. Местная я, травница. Помочь хочу. Я тут одна. Сейчас я подойду близко.

Человек не пошевелился. Мертв? Если мертв – то Марика не героиня вовсе. Искать убийцу не будет. Посмотрит и решит – то ли так оставить, то ли раздеть да прикопать. Сапоги ей такие, конечно, ни к чему, а вот плащ... Плащ был хорош. Толстая шерсть, благородный синий цвет. А что в крови весь

– так отстирается.

Огромный какой! Судя по бурым пятнам на листьях – раны все спереди. Нужно переворачивать. Плохо лежит, крови много вытекло. Все же не жилец, жаль. Волосы светлые, вьются, сединой не тронутые, значит, не старый еще. Могучий какой, наверное, красивый. Был.

Перевернула тело и не удержалась от горестного вскрика. То-то и оно, что был. Вместо лица – кровавое месиво с налипшими листьями и хвоею. Грудь разворочена, одна рука неестественно вывернута. Нет, не человек подобное сотворил, дикий зверь. Бер, скорее всего. Отчего же добычу бросил? Странно как, и волки на запах крови не сбежались, и вороны вон на ветках сидят, даже не пытаются поживиться.

А может, колдун это? Или вывертень?

А ведь живой еще, грудь еле заметно вздымается. Крепкий. Долго помирать будет, несколько дней.

Марика вздохнула. Нет, не может она его вот так бросить.

Ворча под нос про свою глупую башку, ведьма деловито раздевала раненого. Ох и в опасное она ввязывается дело! Если он умрет у нее на руках, что очень возможно, спросят не с бера – с ведьмы. А не умрет... ой, сомневалась она, что ждет ее награда! Учитывая, как искалечен человек, его мать родная может потом не узнать.

Тяжелый, как кабан. Нет, как рогач. Дотащит ли сама?

Кое-как уложила раненого на плащ, пояс с себя сняла, примотала мужчину к полотнищу, чтобы голова и плечи на

плотной ткани были. С трудом потянула. Ничего, сдюжит. И неважно, что ноги по земле волокутся, обо все коряги цепляясь.

С хозяином здешних мест, батюшкой бером, у ведьмы был давний сговор, еще с той самой весны, как она медвежонка из ямы доставала. Не трогал ее бер, да еще лес принял как свою. А потому она, поклонившись, пробормотала:

– Кровь за кровь, вздох за вздох, выведи меня, тропа, к дому моему.

Крови тут было достаточно, да. Не пришлось ладонь резать. Хоть что-то хорошее.

Про корзину с грибами вспомнила уже ночью, когда этого борова дотащила до избушки. Долго пыталась отдышаться, с ужасом представляя, как еще нужно занести тело в дом. Хорошо, догадалась настелить хвороста на крыльцо, поверх него бросила тюфяк, да на этом тюфяке и заволокла в дом, губы кусая от усталости и боли в спине.

И снова – не до отдыха. Нагрела воды, обмыла тело, и в самом деле, молодое, даже юное, и могучее. Широкие плечи, крепкая спина, сильные ноги.

Одежду, заскорузлую от крови и грязи, срезала ножом. Раны были... пожалуй, странные. Глубокие, от беровых когтей, но не сказать, что смертельные. Не желал батюшка бер дураку смерти. Даже рука оказалась не сломана, а лишь вывихнута. И только лицо было изуродовано так сильно, что даже зашивать Марика не рискнула. Пока лишь залила в глотку

раненому крепкого сонного зелья, промыла как могла, раны, наложила компрессы из трав. Особенно переживала за глаза незнакомца: не останется ли он слепцом?

Утром, когда за лесом уже показался край солнца, раненого затрясло. Снова напоила его сонным зельем, укутала в шкуры да свалилась рядом на пол без сил. Ей-то никаких сонных зелий было не нужно, чтобы провалиться в забытие.

Когда Марика проснулась, мужчина весь пылал и тихо стонал сквозь зубы. Началась лихорадка. Проверила раны на груди и лице, подумав, плотно завязала глаза, да еще руки к туловищу тканевыми лентами примотала. Чтобы ненароком в бреду не сорвал повязку.

Чего-то большего она сделать сейчас не могла. На все воля небес: заберут они раненого или оставят. Но он сильный, должен выжить. Раз уж не помер за ночь.

И потекли обычные дни, только тяжелее, чем раньше. Теперь у Марики было забот едва ли не втрое больше: поить и мыть этого... огромного. Менять ему перевязки. Еще и накормить бы, лучше всего – мясным бульоном, но оставить она его пока боялась. Далеко не отходила.

Лихорадка прошла на третий день, а на четвертый мужчина начал активно шевелиться. Обнаружил связанные руки, погано выругался сквозь зубы, кстати, белые, здоровые (Марика проверяла). Ведьма бросила котелок и кинулась к раненому, благо, ихбушка крошечная, бежать не далеко.

– Тише, тише, – шепнула она. – Я тебя развяжу сейчас,

если ты обещаешь слушаться.

– Ты кто?

– Ведьма лесная. Нашла тебя, принесла к себе.

– Сколько я так?

– Как долго в лесу лежал, не ведаю. А у меня – четвертый день.

– А какой нынче день, а?

– Почем мне знать? Вересень сейчас, а большего мне знать не нужно.

Раненый затих. Краткая вспышка оживления его сильно утомила. На шее и груди блестел пот.

– Как мне тебя называть, молодец добрый?

– Ольг, – булькнул мужчина. Дыхание было тяжелое. Рано развязывать.

Спустя четверть часа Ольг уснул, а Марика впервые решилась отойти в лес, проверить силки. В трех от зайцев остались одни косточки, знать, звери похозяйничали, а в одном была добыча. Большой, жирный заяц. Хорошо, наварит похлебки, раненого своего накормит.

Он ей уже как родной стал – сколько его выхаживала, а сколько еще предстоит! Не голодать же ему теперь! Домой спешила почти бегом, волнуясь, но напрасно. Ольг еще спал, крепким, здоровым сном, и проснулся лишь тогда, когда на всю избу запахло мясной похлебкой.

У него отчетливо зарычало в животе.

Марика не могла не хихикнуть.

– Сейчас я помогу тебе сесть, – сказала она. – И покормлю. А ты молчи, береги силы, понял?

Тот кивнул, выразительно пошевелив все еще связанными руками. Развязала, конечно. Обхватив за плечи, попыталась приподнять – да куда там! Кажется, парень стал еще тяжелее. Или она ослабла.

Ольг попытался сесть сам, побелел от боли, но не издал ни звука – гордый, стало быть. Марика быстро сунула ему под плечи пару валенок, которые подкладывала под голову летом.

– Я кому сказала беречь силы? – строго спросила. – А ну как раны разошлись? Рот открывай, кормить тебя буду.

– Мне бы... опростаться, – выдавил из себя Ольг. – Встать помоги.

– Сдурел? Мне тебя не удержать! Ты и так едва жив. Сейчас миску подставлю, делай свои дела.

– Не могу при тебе.

– Ну конечно! Под себя мог, а в миску не может! – Марика нарочно его злила, понимая, как сейчас мужчине стыдно. Но что делать? Вставать ему точно нельзя, да и шевелиться тоже.

– На бок помоги повернуться и глаза закрой, – наконец, решил Ольг. – И есть мне много не давай, а то мало ли...

Фыркнула, перекачивая тяжелое тело на бок, откинула шкуру, скрывающую бедра. Когда постыдное дело было сделано, вынесла миску, вернулась, снова прикрыла срам и по-

могла лечь поудобнее. Олыг кривил губы – красивые, четко очерченные, сейчас белые от боли и напряжения. Марика только вздохнула. Нечего и мечтать. Он не мужчина, а она не женщина. Лекарь она. И ведьма вдобавок.

Поставила на пол котелок с похлебкой и принялась его кормить. Много и не съел, уснул.

Глава 2. Испытания

Ему снился Тойрог: круг посреди степи, выложенный из больших камней. Утоптанная земля без малейшей травинки, народ вокруг. И бер, страшный, лохматый, могучий. А напротив – Олыг. Только не такой, как сейчас, а совсем еще мальчишка. Худой, чумазый, босой, в одних только коротких штанах. Рыча, зверь двинулся вперед. Олыг чуял его дыхание – горячее, смрадное. Отпрянул, понимая, что ничего не сможет сделать. Даже будь у него оружие – не смог бы. Размах страшной когтистой лапы... неожиданно нежное прикосновение и ласковый голос:

– Олыг, Олыг, проснись. Это лишь сон. Все хорошо, я рядом.

– Дженна, – прошептал мужчина, пытаясь улыбнуться. – Не бросай меня.

– Не брошу.

К его губам прикоснулся край глиняной кружки, в рот полилась теплая и успокаивающая жидкость. Пара глотков – и Олыг снова провалился в сон, теперь уже спокойный и пустой.

А ведь Тойрог он так и не прошел, хотя пытался и не раз. Не открывался ему круг воинов. Гордо думал тогда еще совсем глупый и юный Олыг – это потому, что он никого и никогда не боялся. Бесстрашный. А теперь понимал: просто не

дорос. Воины кохтэ, среди которых он жил, были уже мужчинами. А он – самонадеянный мальчишка. Тойрог – он как переход из одного возраста в другой, как шаг во взрослую жизнь. Свой шаг Олыг сделал несколько дней назад – в объятия бера. Сделал – и не сдюжил.

Проснулся, казалось, полным сил, попытался подняться и едва успел закусить губы, чтобы не взвыть от боли. Темно ещё вокруг и глаза жжёт. Одна и радость, что женские прохладные ладони и успокаивающее воркование:

– Ну куда ты, глупый. Рано. Тебе бер рёбра переломал, подрал всего. Едва с того света тебя вытащила, а ты снова норовишь сбежать. Чего желаешь-то, Олег?

Она переименовала имя княжича на северный лад, а ему и понравилось. Пусть зовёт, как хочет.

– Ведьма, как твоё имя?

– Марика, – тихо хмыкнула, вспоминая, что ночью он звал совсем другую женщину. Жену? Любовницу? Сестру? Какое ей дело!

Вдруг рассердившись на своё любопытство, Марика проворчала:

– Помочиться нужно? Сейчас тазик подставляю.

– Я сам.

– Сам, сам... а ну как тюфяк мне загадишь? Между прочим, другой постели тут нет. И так я на голой лавке по твоей милости сплю.

– Я сам. На ошупь уж как-нибудь. Поверь, придержать

смогу, не промахнусь.

Ведьма фыркнула, но сунула в руки Ольга тазик и отошла. Судя по звукам, завозилась возле печки.

– Есть тоже сам будешь, убогий, или покормить?

Княжич, сцепив зубы от боли в ребрах, прохрипел:

– Покорми.

Неожиданно жидкая мясная похлебка оказалась очень вкусной. И ложка у его губ напомнила то славное время, когда он был в плену у кохтэ. Там руки были связаны за спиной, и кормила его Дженна, ханша, так же с ложки. Из рук женщины пищу принимать не зазорно. Женщины для того и созданы, чтобы мужчинам служить.

– Больше не хочу.

– Ну ладно, лежи, спи. Набирайся сил.

– Марика... – Он помедлил, но все же решился. – А с глазами у меня что?

Тяжелое молчание пугало хуже неизвестности. Сто раз пожалел, что спросил. И так ведь все ясно, но пока она не сказала вслух, что все, Олег, ты калека и слепец, можно было о чем-то мечтать.

– Бер тебе свой след на лице оставил, – наконец ответила женщина. – Не знаю, как будет. Раны я промыла, зашила, какие могла. Глаза... Я не целитель, я всего лишь травница. Пообещай не убивать меня, Олег, если ты больше не увидишь ими небо.

– Ты не виновата, – хрипло произнес княжич. – Ты меня

нашла, жизнь мне спасла. Если я ослеп – и поделом дураку.

Замолчал угрюмо, все равно думая, что нет, наказание за глупость слишком сурово. Лучше бы он издох там в кустах, чем на всю жизнь остаться слепцом. Жалеть его будут, пальцами за спиной тыкать. Враги порадуются, друзья поплачут, а потом забудут про него. Самое лучшее – камень на шею привязать и в омут нырнуть.

– Я положила на глаза ткань, отваром пропитанную. Погоди, не кручинься. Мне показалось, что один глаз цел. Но обещать ничего не могу, парень. Только молить духов предков да хранителей леса, чтобы тебя исцелили.

– Спасибо, Марика. Век не забуду.

– Ты... полежи тут. Постарайся не убиться. Мне в лес бы, травы кой-какие собрать.

– Посплю пока.

На миг сжатой в кулак руки Ольга коснулись холодные тонкие пальцы, а потом тихий голос прошелестел:

– Повязку седмицу снимать нельзя, я заговор положила. Потревожишь – точно все испортишь, понял?

Да понял он, не ребенок же! Хоть и хотелось бинты сорвать и самому убедиться, что шансы у него есть, не станет. Потерпит. Пора учиться этому непростому искусству.

Марике пришлось уйти в лес дальше, чем она предполагала. Нужные ей растения уже отцветали, к тому же к ее дому все чаще стали наведываться люди и звери, повытоптали траву, поломали кусты А берестянка, к примеру, любила ме-

ста глухие, заросшие. Пока искала драгоценную травку, без которой ни один отвар против живота не сварить, набрела на клюквенное болото. Не утерпела, набрала полную корзину целебной ягоды. И только когда начало уже темнеть, по сердцу полоснуло острым ножом: раненый! Одного оставила, да на весь день. Голодного, беспомощного, слабого! Перевязки ладно, сделает на ночь. А все остальное... Он же на ноги встать не в силах!

Ох, хозяин леса, господин Берушка, смилуйся, проложи дорогу короткую до дома!

Заговорами Марика старалась пользоваться не часто. Сил у нее было – чашка да малая капля. Чашку всю она в раненого Ольга влила, ему нужнее. Кровь останавливала, раны заговаривала, усыпляла. А каплю последнюю – сейчас со страху отдала за быстрый путь. Все, теперь голова болеть будет долго, да завтра весь день проспит. Хорошо хоть, дар травницы при ней навсегда, травы она слышит без всякого внутреннего огня. Ничего, потихоньку восстановится.

Корзина с ягодой тянула к земле, по листьям папоротов, по кустам, по дурман-траве змеился серый туман. Марика и не подозревала, что так устала. Да еще силы потратила. И голодная. Ненадолго уходила, даже хлеба ломоть с собой не взяла. Это бывало и раньше, лес – он такой. Затянет в свои густые объятия – не сразу и выберешься.

А у дома ее уже ждали. Крупная женщина в платке и богатом кафтане переминалась с ноги на ногу возле покосив-

шегося плетня с висевшим на палке волчьим черепом. Дальше не заходила, боялась проклятий ведьминских. И чего они все костей боятся? Что их, кости сухие укусят разве? Живых волков надо бояться, мертвые не опасны. Но оберег от чужаков вышел славный, надо будет еще заячьих голов повтыкать да птичьих.

– Что надобно? – надменно спросила чужачку, выпрямляясь и ставя наземь корзину.

– Матушка, помилуй, не оставь в беде, – заныла баба, умильно складывая руки под большой грудью.

– Плод не вытравливаю, приворотные зелья не варю, ядов не имею. Да ты помнишь, наверное... Лукерья.

Вспомнила, наконец! Непростая баба, кузнечиха. Из зажиточных. Муж, видать, работающий, умелый, да и сама не простая. По весне приходила за снадобьями от живота, вроде бы для сына. Потом принесла муки да яиц, значит, поправился малец.

– Вспомнила меня, матушка, – поклонилась в пояс Лукерья.

– Сынок как, не хворал больше? Ты ему не позволяй зеленых слив есть больше, да воду из реки не бери, только из колодца.

– Здоров, здоров Маркуша, нынче на службу княжескую собирается. Двенадцать годков ему, пора уже.

– Хотела-то чего?

– За тем и пришла, родимая. Сыночку с собой хочу мази

целебной положить, что раны заживляет, да травок от грудного кашля. Да оберег бы какой от злых людей...

– Обереги – это к Зимогору. Я не сильна. К тому же нет сильнее амулета, чем материнским волосом расшитый да слезами пропитанный. Научить тебя, Лукерья?

– Научи, век благодарна буду.

– Что ж, дело нехитрое. Пояс простой белый берешь, нитками шелковыми расшиваешь. В нить волос свой вплети, думай про сына, всякого ему доброго желай. Петухи красные – к силе молодецкой, колосья желтые – на богатство, а след Беров черный – для защиты от злых людей. Так ведь сама знаешь. Потом на растущую луну на окне или завалинке оставь и на сына своими руками надень, а до того никому в руки не давай. Не должен никто коснуться. А снадобья погоди, принесу сейчас.

Довольная кузнечиха улыбалась и шевелила губами, явно повторяя про себя слова травницы, а потом еще долго благодарила женщину за мешочек сухих трав да туес с мазью.

– Вот еще жир барсучий, – деловито сказала Марика, помня, как щедро по весне благодарила ее Лукерья. – Это мужу твоему, помню, поясницу ломит у него в морозы. И от ожогов мелких мазь. Держи.

– Чем отплатить тебе, мудрая? Яйцами, мукою, овощами, или что нужно особое?

– Ткань, пожалуй, нужна, – вспомнила ведьма. – Мягкая, небеленая. На повязки всякие и процеживать отвары. При-

несешь отрез – благодарна буду.

– Уж такое добро найду. Погодь, а клюква у тебя не с по-
ганных болот, случаем?

– С них самых, набрала сегодня.

– Продай, будь милостива! Такой крупной нигде больше
не растет, да мало кто оттуда живой выйти может.

– Отчего не продать, и продам.

Немного поторговались, сошлись в справедливой цене и
распрощались, совершенно довольные друг другом.

– Прощевай, травница. Доброго тебе здоровья. Прибегу
завтра, все принесу, как договорились.

– И тебе дороги доброй, осторожна будь. С тропы беровой
не сходи, а то ночь на дворе, волки бродят. Ну, беги, пока
луна не взошла.

Поглядела вслед кузнечихе, вздохнула украдкой. Вот
же... мужа любит, о сыне печется. Поди и не единственный
отрок у нее, еще мал мала по лавкам. А ведьме такой путь
заказан. Не будет у нее ни мужа, ни детей. Сама виновата,
впрочем. За гордыню свою расплачивается. Знать, могла
другие слова найти, с волхвом, самым сильным в землях
моровских, не ссориться насмерть. Молодая была, глупая. А
теперь все, ничего не поделаешь. Разве что на поклон к Зи-
могору идти, да и то – простит ли?

На волхва Марика давно не злилась, приняв и осознав ви-
ну свою. Сначала, конечно, ногами топала и сыпала прокля-
тиями, хотела даже старого волхва придушить ночью, но по-

том утешилась одиночеством и службой лесу и людям.

Не появивсь у нее в домишке раненый, молодой да могучий, и вовсе не вспомнила бы о проклятии.

Но все же Марика была женщиной. А Ольг, несмотря на раны, весьма привлекательным мужчиной.

И сильным к тому же. Ничего с ним за весь день не случилось. Тюфяк не запачкал, сил хватило даже тазик отхожий вылить за крыльцо. Нашел котелок с похлебкой, видимо, на ощупь. Ну стул своротил да пару чашек уронил, и бес с ним, со стулом. А чашки деревянные, ничего им не будет.

А теперь спит добрый молодец, да так сладко, что храп из окна слышен.

Марика усмехнулась. Этого никакой зверь не возьмет. Теперь уж точно не помрет.

Сил не осталось даже раздеться и умыться, что уж говорить про ужин. Марика хлебнула из деревянного ковша прохладной воды да упала на пол рядом с раненым. Спать.

Глава 3. Новый день

Ольг проснулся рано. И вроде бы свет не видел, а как-то почуял – самый рассвет. Не то по тишине звенящей (птицы только начинали робко щебетать), не то по холоду, по полу веющему. Без глаз, как оказалось, тоже жить было можно. Не сказать, что намертво ослеп: просто стал по-другому чувствовать. Но это здесь, в избе лесной, где все уже знакомо. Вчера, когда ведьма оказала большую милость и оставила его в одиночестве, он многое понял.

Сначала был волком от отчаяния – ничего, никто его не слышал, можно. Потом сам себя бранил за глупость, громко и зло. Потом встать попытался, от боли скуля (и тоже – раз не слышит никто, значит, и не было этого). При Марике держался молодцом, стыдно перед женщиной слабость показывать. А ушла – хоть выдохнул. Ничего, справился и сам. И похлебку нашел, и до ветру сползал. Устал так, что пот ручьем лился. Обтереться бы да уже сил не хватило. Так и уснул, мокрый как мышь, слабый как лягушка. Не слышал даже, когда ведьма вернулась.

Зато теперь различал тонкий запах трав... и женщины. Совсем рядом ее тихое дыхание. Протянул руку, нащупал под боком мягкую ткань одежды, потом – косу. Выдохнул и попытался подняться. Пусть спит, он до крыльца и сам добредет, тут три шага и нужно сделать.

Не вышло незаметно. Едва он попытался подняться, горячие пальцы коснулись обнаженного плеча.

– Помочь? – хрипло и сонно спросила женщина.

– Я до крыльца, справлюсь. Спи.

– Хорошо, – легко согласилась она. Слишком легко для той, что вчера еще запрещала ему шевелиться.

Но он уже знал, что может, а сегодня сил у него было чуть больше. Поднялся, цепляясь за стены, вышел. А когда вернулся, ведьма вдруг с тихим смешком сказала:

– Тебе пора штаны надевать, добрый молодец. Ты, конечно, хорош, но раз уж ходить стал, немощным не считаешься.

Кровь бросилась Ольгу в лицо, он дернулся, прикрывая руками пах. И не стеснялся никогда своего тела, но гляди ж, сейчас смутился, как мальчишка.

– Ну ты и ведьма, – пробормотал сквозь зубы, даже и с восхищением.

– Я помогу.

И снова его тела касаются тонкие горячие пальцы, но теперь уже Олг не может не думать о том, что она его рассматривает, и не как убогого и раненого. И мысль о том, что он, обнаженный, рядом с женщиной... заставляет его прикрывать причинное место снова. Что поделать, он молод и горяч! А она... так загадочна! Голос молодой, звонкий. Пальцы нежные, кожа мягкая, запах такой сладкий... Наверное, хороша собой. Даже если и не слишком – буйное воображение уже не в меру разыгралось.

Марика помогла ему натянуть чистые прохладные штаны, завязала пояс, сменила повязки на груди.

– Заживает как на собаке, – с довольством в голосе сообщила бледному, закусившему губу Ольгу. – Через седмицу и повязки не нужны будут. Молодость свое берет, да и мои снадобья помогают. Сегодня за столом есть будешь, но не сейчас. Я вчера устала очень, силы истратила. Надо еще мне поспать, прости.

– Колдовала? – вырвалось у него.

– Самую малость, – уклончиво ответила ведьма. – Слушай, если кто звать меня будет, ты разбуди. Сам не высывайся пока, ладно?

– Понял я.

Заставил ее лечь на тюфяк – не дело женщине на полу лежать, шкурами ее укрыл, словно ненароком касаясь ее волос, щеки, шеи. Как бы хотелось ее увидеть! Мысленно рисовал себе женщину красивую, статную, с толстой русой косой и веселыми светлыми глазами – такие ему всегда нравились. Чтобы кровь с молоком, и грудь высокая, и бедра крутые. Судя поговору, она его чуть старше, но это и хорошо, что не девица. Не жеманится, не стесняется мужчины, голым его видела и не испугалась ничуть. А он, между прочим, княжич, не крестьянский сын, заплатит ей щедро и за спасение, и за ласку. Вдруг да и не прогонит?

Нет, Ольг, конечно, не зверь, и насиловать никого и никогда не будет, но ведьма – женщина одинокая. Неужто не захо-

чет мужского внимания да удовольствия? Морки все до любви телесной охочие, а ему еще ни одна не отказывала. Более того, женским вниманием он был обласкан всегда. Сначала за него едва не дрались девушки кохтэ, он был им диковинкой: светлоглазый и белокурый среди смуглых черноволосых степняков, а потом, когда он вернулся домой – его очень быстро затащила в постель сенная девка княгини Вольской. А дальше – стоило лишь улыбнуться и пальцем поманить. Так что он хорош собой и желанен, с чего бы какой-то ведьме лесной ему отказывать?

Не подозревающая даже о коварных мыслях своего подопечного, травница крепко спала. Шевельнулась, утыкаясь лбом в голое плечо княжича, вздохнула блаженно, обхватила руками. Ольга бросило в жар. Несмотря на ноющие раны, тело отреагировало быстро и однозначно. Ох, если бы не повязки на глазах, он бы поглядел!

Осторожно прикоснулся к ее плечу, притянул к себе, нос (едва высовывающимся из-под повязки) в ее растрепавшиеся волосы сунул. Провел рукой по узкой спине до самого изгиба поясницы и ниже, радуясь, что женщина так приятна на ощупь.

– Ты сдурел, парень? – вздрогнула всем телом Марика, мгновенно просыпаясь. – А ну лапы свои убрал!

– Не злись, красавица, я только потрогаю.

– Если бы я тебя сама из-за грани не вытаскивала, сейчас бы руки повыдергала, – холодно сообщила ведьма, отодви-

гаясь. – Скажи спасибо беру, что я жадная и свои труды не хочу загубить.

– Я что, совсем тебе не нравлюсь? – обиженно спросил Олыг, ничуть не обескураженный отказом. – Аль не красив? Аль жених у тебя имеется?

– Отчего же, красив, хоть куда, – усмехнулась Марика, пальцем проводя по крепкому белому плечу. – Молод, полон сил, – руки поправили повязку и спустились ниже, на опущенный золотыми волосками живот. – Все при тебе. И мужика у меня нет, давно не было, твоя правда. Вдова я.

– Тогда в чем дело?

– А ты считаешь, что женщинам только это нужно? Молодое тело и то, что между ног?

– А разве нет? Замуж, что ли, хочешь?

Она расхохоталась звонко, чуть с надломом. Олыг ждал ответа, чутко прислушиваясь к движениям ее пальцев, небрежно скользящих по завязкам его штанов.

– Нет, замуж мне нельзя, – наконец, снизошла травница до ответа. – Да ты и не возьмешь.

– Отчего же? Может, ты мне сына родишь? В терем тебя приведу, своей женщиной назову, а?

– У тебя и терем есть? Кто же ты такой, Олег, беров побратим?

– Княжич Бурый я.

– О! – Он не видел, как округлились губы женщины и широко раскрылись глаза. – Что же ты, князь, в лесу забыл, да

один, без охраны?

– С бером братался, сама же видела. Теперь он мне брат старший... раз не убил.

– Каков молодец! – восхитилась Марика. – Смельчак! Что к беру, что к бабе, не спросившись, лезет, а потом удивляется, что ему не рады.

– Да полно тебе кривляться, чай не девочка. Я тебе нравлюсь, чувствую же. Не нравился бы – не трогала бы так нежно.

Марика, обнаружившая вдруг, что нежно оглаживает живот и бедра невыносимого этого мужчины, резко отдернула руку и залилась краской. Прав он: нравился и очень. Было на что посмотреть, было что потрогать. Вот только... не дело это.

– Много о себе возомнил ты, Олег, – сухо сказала, поднимаясь. – Раз уж поспать не дал, наточи хоть нож мне. Все руки не доходят.

– Так нравлюсь? – не отставал наглец, хватая за рукав и к себе снова притягивая. – Ну признайся, ведьма. Скажи правду.

– Да нравишься, нравишься, – фыркнула женщина как лисица. – Толку с того? Вместе нам не быть, а я в детские эти игры давно не играю.

– Зря. Ни одна девица еще не жаловалась, все довольные оставались. Так почему бы тебе не позволить мне... сделать приятно обоим?

– Ох и баламошка ты, княжич, – засмеялась снова Марика. – Вставай уже, охальник. Дам тебе нож и точильный камень.

Вот ведь обаятельный змей! Вроде гадостей наговорил ей, а Марике смешно. И... не отказалась бы от ласки мужской, верно он угадал. Никогда не отказывалась, охоча до этого дела была. И замужем ей нравилось очень, жаль, недолго счастье длилось. Ничего не скажешь, мужчина под боком навевал на грешные мысли. Только не стоит забывать про проклятье старого волхва. Вот теперь-то она и ощутила его в полной мере.

Злясь на себя, на Ольга, на Зимогора, она бросила на стол чугунок и проворчала:

– Ишь, гость дорогой, сразу видно, что княжеских кровей. Вон, похлебку долакал, а посуду мыть челядь будет.

Знала, что не права, что он с повязкой на лице и ослабший после ран и не смог бы, да и не должен, хозяйская это обязанность, но все равно высказала.

– Грязной работы я не чуюсь, – лениво, медленно отозвался мор. – Покажи, где мыть, вымою. И вообще, говори, чем помочь, не стесняйся. Нож наточу и другое сделаю, все, что скажешь, хозяйка.

– А ручки белые, княжеские, не заболят?

– А ты думаешь, что коль я с серебряной ложкой во рту родился, так и жил всю жизнь с мамками и няньками? Ха!

– А что, нет? – покосилась на него ведьма, ловко чистя

овощи.

– Нет. Мне лет шесть было, когда няньку мою убили, отца при смерти бросили, а меня иштырцы к себе уволокли.

– Расскажешь? Или тайна это?

– А тебе интересно разве? Да и знают все эту историю.

– Так я в лесу живу, родимый. Я знаю только, когда рогачи дерутся, когда волчата рождаются, когда бер спать ложится. А что в Бергороде происходит – для меня как в тумане.

– А ты расскажешь? Отчего в лесу живешь, от кого прячешься?

– Много будешь знать, плохо будешь спать, – голос Марики мгновенно заледенел, как будто иней на стены избушки опустился.

– Ладно, не злись... ведьма. Не хочешь говорить – не говори, твое право. Значит так, мальцом я был слабым, болезненным. Батя меня в деревню с нянькой отправил, матушка к тому времени родами вторыми померла, ну я ее не помню совсем, мне рассказывали потом.

Глава 4. Разговоры

Олыг был отменным рассказчиком, и голос у него был такой... бархатный, густой, словно пиво хмельное сладкий. Рассказывать всякие истории и сказки он любил и умел. В сказители бы ему... озолотился бы. Впрочем, вряд ли княжич в золоте нуждался, сам же говорил: терем у него. Да и одежда богатая... была. Остались-то сапоги да портки, остальное разве что сжечь теперь.

Невольню Марика заслушалась, до того интересная была история.

– И рос я при шатре иштырского кагана, вроде бы как сын его приемный, а вроде и чужак приبلудный. Не сильно били, не много обижали, рабом не звали, но и своим я так и не стал. Иных детишек матери целуют, ласкают, кусок им лучший со стола тянут, а у меня всего и друзей, что шавки брехливые. А у иштырцев в стане собачонки мелкие, противные. При стаде, там большие, пушистые, умные, а тут разве что объедки подбирать горазды. Был у меня дружок и среди этой мелюзги, да недолго. Кагану как-то мой взгляд не понравился, крепко он меня отлупил, а собачку придушил – чтобы неповадно мне было на старших с превосходством смотреть. А я их всех и вправду ненавидел, наверное, в ответ, что меня не любили.

– Ты же ребенком был. Как можно дитя не любить?

– Иштырские бабы рожают легко и много, постоянно брюхатые ходят. Дети у них в грязи растут, часто голодные. Самые сильные выживают только. Дерутся постоянно за кусок мяса, это считается хорошо и правильно. А еще иштырцы не моются совсем. Живут они в самой засушливой части степи. Воды мало, колодцы копать они не умеют, дожди не каждый даже и месяц идут. Вода для них священна, ее пьют только. Одежду не стирают, отбивают камнями да над костром проносят. Может, поэтому и дети часто болеют и умирают. А самых слабых и вовсе... в степи оставить могут на съедение шакалам. Но все равно выживает много, недостатка в рабочих руках там нет.

– Не было, – поправила Марика чуть смущенно. – Даже я в глуши моей слышала, что Великий хан Баяр иштырцев поклялся всех до единого вырезать. А человек он страшный, слово свое держит.

– Страшный? – удивился Ольг, проверяя пальцем остроту наточенного ножа. – Не знаю. Это разве что к врагам. А так он очень... добрый, наверное.

– Знаешь его?

– Знаю. Как отца. Ну, или как дядьку, скорее.

– Откуда?

– Ты дальше слушай. Среди иштырцев я рос как собака до десяти лет. После мальчишки уже считаются мужчинами. Их учат потом из лука стрелять, саблей махать. Я учился быстро, а на лошади и вовсе сидел, сколько себя помню. Меня

даже овец отправляли пасти, потому что я и с кнутом умел управляться, и собак не боялся, и зверей диких. А уж когда мне саблю дали... Я ведь и ростом выше всех, и руки у меня длинные были. Оценили меня. Стали с воинами кормить. Впервые я тогда, кажется, досыта наелся, так, что потом живот три дня болел. А потом каган сказал: идем в земли кохтэ. Нас много, их мало. Да еще там у хана Тавегея сыны перессорились, лучшая сотня из стана ушла, а сам хан телом ослабел. Самое время их овец пощипать. Мы и пошли.

– Пощипали? – хмыкнула травница понимающе. – Или сами... как кур в ошип?

– Сначала все славно было. Пару станов пожгли, добычу захватили, а потом наш командир, Аша-нурхан, сказал: заманим в ловушку ту самую сотню ханского сына Баяра. У него там женщины, дети, золото. Нас много больше, а Баяру придется поделить отряды, часть оставить на защите шатров. Больше-то нас было больше, конечно. Пять сотен иштырцев. Да не учел Аша-нурхан, что не просто так Баярову сотню называли волками. Звери, а не воины. А сам Баяр так хитро напал, мы и понять не успели. Да еще колдун он, с неба воду призвал, из земли огонь... Словом, он иштырцев как блох передавил.

– Как же ты выжил, лучший воин?

– Мальчишек всех пощадили, Баяр с детьми не воюет. С мужчинами на месте расправились, а нас, жеребят, в кучу согнали. Обещали мизинцы отрубить да отправить на все че-

тыре стороны. И мне бы отрубили, да Дженна за меня вступилась.

Дженна? Не та ли это, кого Ольг звал в забытье? Марика наострила ушки, предчувствуя пикантную историю, и не ошиблась. В голосе княжича зазвучали особые нотки, нежные, мягкие.

— Дженна — то жена Баяра, молодая ханша. Таких женщин я не видывал ни до, ни после. Девчонка совсем, светлая, волосы короткие, глаза огромные. Морка, небось, да родителей она не знает, сирота. На коне, как парень, ловко сидит, из лука стреляет, ножом дерется. Дух воина в ней. Она тогда Баяру и сказала: не бывает у иштырцев светлоглазых да светловолосых детей, невозможно. Этого себе оставим, пригодится нам. Ох я и зол был! Чтобы меня, каганского сына, да в рабство взяли? А и взяли. Привязали к столбу, стали дознаваться, кто я и откуда. А я знаю разве? Сидел, молчал, от пищи отказывался, а сам смотрел во все глаза: куда попал? И не били меня, не издевались. Хан мудрый и справедливый у них, даром, что молодой. Жена его... хорошо ко мне относилась. И детей они, знаешь, любят. Заботятся. Никто голодным не ходит, никто в грязи не валяется...

Марика улыбалась, слыша искреннее удивление в голосе княжича. А ведь и моры детей своих берегут, о женщинах заботятся, стариков не обижают. Стало быть, кохтэ, хоть и нелюди, дикари, а все же ближе к морам.

Кохтэ она не любила. Ненавидела почти что. Их ведь с

младенчества учили: степняки плохие, они несут зло. Беды все от них. Что кохтэ, что угуры, что иштырцы – все одно. Узкоглазая саранча, что не сеет, не жнет, а налетает собирать урожай.

Никакой разницы Марика не видела между угурами, что ее мужа – честного пахаря – убили в поле, и между столь обожаемыми ее новым знакомцем кохами. Степняк и есть степняк.

Но все равно – слушала Ольга с удовольствием. И про то, какой Великий хан Баяр отменный стратег, и про то, как разыскал он настоящих родителей Ольга, и про союз кохов с князем Вольским, ныне – боярином в Лисгороде.

– И когда слух докатился, что угуры под стенами Бергорода да Лисгорода стоят, я такого стерпеть не мог, кинул клич по поморью, собрал самых отчаянных, да на ладью загрузил. И поплыли мы сородичей выручать.

По рассказу княжича выходила, что он единый был спасителем древних посадов, герой, о которых впору легенды слагать. А ведь это и взаправду было, сама Марика помнила – не так уж много времени прошло. И угуров своими глазами видала, и в лесу от них пряталась. Всю деревню их проклятые узкоглазые вырезали, младенцев грудных не пощадили. Она-то ведьма, ей лес – дом родной. В любом овраге укроется так, что и бывалый мор не найдет. А уж угуры и вовсе в лес не совались, боялись. Правильно и делали, любой враг берегов, что в его владения шагнет – сгинет.

Об одном только Марика жалела, что с собой никого не увела, да разве до того ей было? Себя не упомнишь, когда летит на тебя тьма тьмущая крикливых, мелких, юрких, со злыми черными глазами, да саблями размахивая... Как она тогда бежала, как бежала! На коне не догнал ее угур! Сразу ведь все заговоры, которым мать да бабка учили, вспомнила. И что спасло ее тогда – малый ли дар, или земля родная? Сколько она лежала в прелой листве, боясь даже громко вздохнуть?

Тряхнула головой, выбрасывая из памяти ненужное. Что было, того уж нет, если вечно за спину оглядываться, вперед идти труднехонько будет. Значит, и Ольг в этой войне участвовал тогда... Забавное совпадение.

– Сколько ж тебе годиков тогда было, великий воин? – не удержалась от насмешки.

– Шестнадцать, – буркнул княжич.

Шестнадцать? Стало быть, теперь ему двадцать один, от силы, двадцать два. Совсем юн еще. А ведь воин, княжич.

– А ведь я тебя постарше буду, – тихо сообщила. – Так что, малыш, не думай обо мне лишнего. Иди вон лучше дров мне принеси, справишься? Будем рагу делать.

– Какой я тебе малыш, ведьма? – грохотнул парень, поднимаясь. – Язык придержи, чай не с ребенком разговариваешь! Воин я. Убивал немало, и женщин у меня было... не перечесть. Не мальчик давно я.

– Прощения просим нижайшего, – продолжала ехидни-

чать Марика. – Муж зрелый, опытный, по чину ли тебе дров принести, или самой сбегать?

– Принесу, сиди уж.

Обиделся. Замолчал. А так ему и надо. Нечего руки свои распускать и хвастаться почему зря. Да если и не хвастал, что ей с того? Это он с повязкой на глазах ее захотел, а если бы очами глянул, не подумал бы даже о таких глупостях.

Ох и злое проклятье твое, Зимогор!

Раздосадованная, Марика сунула чугунок с похлебкой в печь, подобрала и сложила дрова, брошенные Ольгом на пол, подумала и протерла пыль на столе и полках. Давно пора было навести порядок. Разложила высушенные травы, собрала несколько мешочков для заваривания. Привычное и любимое дело не ладилось, раздражало. Мысли в голову лезли недобрые. Олыг дремал на полу, занимая своей тушей почти все свободное пространство домика. Ну и что с ним теперь делать? Выгнать – невозможно. Слаб еще. Да и раны не зажили. К тому же с повязкой на глазах отпустить нельзя, это все равно, что дитя в темном лесу одного оставить. А смотреть на него – сплошное расстройство и невольные воспоминания о своей загубленной молодости.

– Там к тебе идут, – не открывая глаз, пробормотал мужчина. – Выходи.

– Как услышал? – встрепенулась Марика.

– Не знаю сам. Лес сказал. Видать и правда – побратался с бером.

– Ну как же, – не упустила случая поддеть его травница. – Просто слух обострился. Слушай, княжич, а почему тебя не ищет никто?

– А мне тоже интересно, и почему меня никто не ищет?

Женщина закатила глаза раздраженно, накинула на плечи теплый платок, сунула ноги в добротные кожаные сапожки и вышла на двор. Она и сама уже услышала гостей, благо их было двое, и они громко переговаривались.

– Лукерья, здрава будь.

– И тебе не хворать, Марика. Вот, дочь моя. Помощница.

Травница равнодушно оглядела рыжеволосую веснушчатую девицу лет десяти, кивнула. Куда больше ее заинтересовал большой короб под мышкой у кузнечихи, да сверток в руках девочки. Никак принесли ткань? Вот это славно! У нее уж перевязки заканчиваются, все на этого увальня ушло.

– Все как обещалась: и холстина тебе, и яйца, и сыра еще принесла. А муж мой велел вот передать курицу еще и яблок.

Настала пора Марики кланяться в ножки: благодарность была более, чем щедрой. Кузнечиха же переминалась с ноги на ногу, что-то желая спросить, но не решаясь.

– Что-то еще надобно?

– Дочь моя вот... поглядела бы. Одиннадцать ей, а женское не началось еще. Не сглазил ли кто?

Марика пожала плечами, хмурясь: вот глупая, сама не видит, что ли? Не созрела просто девка, рано ей.

– Все с девочкой хорошо, – успокоила Лукерью. – Всему

свой срок. Вот если через два лета не придет, то приводи, будем смотреть. Пока оставь ее в покое, пусть еще с детьми по лугам носится. Скажи мне лучше вот что... Какие новости в свете белом? Не ждать ли нам угуров снова? Хорош ли нынче урожай? Как Бергород, стоит? Кто им правит теперь?

– Ой, что делается, ведьма! – обрадовалась женщина. – Ужас что делается! Княжича юного Бергородского-то волки задрали!

– Да ладно! – Было отчего глаза вытаращить.

А Лукерья от такого интереса к ее сплетням даже выпрямилась горделиво, глазами засверкала.

– Ей-ей, не вру! Как есть сожрали! Косточек даже не оставили! Искали его целой дружиною, нашли кусты поломанные, под ними кровь да остатки одежды. А там след, волокли его... Да видать сожрали по дороге, след в самые дебри завел.

– Ужас какой!

– Вот! ты уж тут осторожна будь, ведьма, волков нынче немеряно развелось. Мужики наши на охоту собираются, стало быть, мстить за княжича.

Марика только головой покачала удивленно. Мстить? Диким зверям? И какой в этом толк?

– Потому и ходи только по тропам заповедным, – напомнила она простую истину бабе. – И детей далеко в лес не посылай.

– Да уж, страшное дело, – кивнула кузнечиха и добавила: –

Ежели клюковка еще будет, или кровяника, или еще что – ты на рынок приноси, в этот год ее хорошо продать можно будет.

– Поняла, принесу.

Кузнечиха с дочкой ушли, а Марика в короб заглянула и снова порадовалась: сыру целую головку положили, не по-жадничали. Хорошо, хватит надолго.

Глава 5. Ведьмины милости

– Слыхал, поди, Олег? – спросила весело раненого своего, когда в избу воротилась. – Волки тебя, горемычного, сожрали. Беда-то какая!

– Тебе бы все насмешничать, ведьма, – не остался в долгу княжич. – Хорошо ж ты меня спрятала. Часто так... прячешь кого-то?

Спросил и дыхание затаил: очень вдруг важно стало узнать, бывают ли тут другие мужчины.

– Ты первый. Больше дураков с бером брататься нет, – не заметила подвоха Марика. – Вот что, друг мой сердешный, если ты уже оправился, помоги воды натаскать. Помыться бы мне, а то непонятно, от кого тут звериным духом несет, от зайчатины или от меня.

– От меня несет, – угрюмо проворчал Олыг. – Проведи до колодца.

– Родимый, откуда колодец в лесу? Тут недалеко ключ под деревьями славный. Я в ручье мылась летом, а сейчас холодно уже. У меня там, за сарайчиком, бочонок есть, дождевой водой наполненный. Надо ведро взять да нагреть. Дай-ка раны твои погляжу, можно ли тебе уже мыться?

Олыг безропотно поднялся, позволяя размотать длинные тканевые полосы. Снова касание этих бесовский пальцев вызвало не боль, не страх, но волну жара. Приворожила она его,

что ли? Да еще мыться она собралась – сдурела баба совсем. Ему куда – на завалинку? И подглядеть нельзя, и потрогать. Как собачка будет. Ну уж нет, не позволит он так с собой!

– Живает на тебе, княжич, как на собаке, – довольно сообщила Марика, и Ольг зашипел возмущенно. Вон оно, правильно и подумал. Пес он для нее безгласый. Или брехливый даже, но не укусит.

– Больно? – встревожилась травница. – Где?

– Нормально. Дай хоть прикрыться чем, за окном не лето. Рубашка моя, наверное, в печке сгорела?

– На бинты пошла. Там нечего и зашивать было. А что я тебе дам-то? Ты большой. Мое платье и не налезет.

Опять издевается! Весело ей. А Ольга уже подтрясывает от злости пополам с похотью. Хочется ей рот заткнуть. И чтобы она не смеялась над ним, а стонала под ним.

– Ладно, сиди уж так. Я тебя оботру тряпицами, сейчас только нагрēju воду... А потом уж не обессудь, мне волосы вымыть нужно и все такое. Потерпишь.

Ольг скрипнул зубами, но возражать не стал, кто он такой, чтобы тут командовать? В ножки кланяться должен за милость ее, а не ныть.

– Дай хоть ведро донесу, – проскрипел.

– Чтобы ты мне тут сомлел от боли? Или разлил воду? Забудь. Без тебя сто лет жила, справлялась же как-то. И теперь справлюсь.

А потом она его мыла, и Ольг страдал. Наслаждался каж-

дым движением влажной тряпицы, каждым прикосновением пальцев, понимал прекрасно, что она видит его реакцию... но тронуть ее не смел.

– Зря ты об этом думаешь, княжич, – неожиданно тихо и серьезно сказала ведьма, приспуская его штаны и плюхая тряпку на живот. – Тут сам давай. Я тебе не понравилась бы, будь ты с глазами. Уродливая я, уж поверь.

– Врешь.

– Не вру. Ведьмы красивыми не бывают.

– А я не верю.

– Твое дело, да только я предупредила.

Забрала у него тряпку, помогла сесть на тюфяк, судя по грохоту – достала из-за печки корыто, или что там у нее? Плеснула воды. Выходила еще с ведром (Ольг успел все ощупать, убеждаясь в правильности своих предположений: лохань возле печи поставила), вернулась, снова зажурчала водой. А потом принялась раздеваться – он слышал шелест ткани, чувствовал движение воздуха. Воображение легко дорисовывало все остальное. Роста повыше его плеча, высокая. Статная. Талия узкая, а бедра крутые. Коса толстая, грудь большая, он уже успел это узнать.

Никогда Ольг так не хотел женщину, ни разу в своей жизни. Обычно все было легко и быстро, часто даже весело, со смехом и прибаутками. Никто ему не отказывал, а если и отказывал – так находилась замена. Постельные утехи давно уже были обыденной частью его жизни. А теперь ему запре-

тили. И дразнили. Он почти слышал, как стекают капли по обнаженному телу Марики. Угадывал, как она касается полной груди. Воображал струи воды на ее белых бедрах. Это было совершенно невыносимо!

Тихий всплеск, томный вздох, низкий смешок – и он сдался. Вскочил, сделал один только длинный шаг – изба крохотная, все рядом.

– Ты чего, княжич? Сдурел?

Поздно: мокрое трепещущее тело уже в его руках. Скользкое, горячее, гладкое, как рыба или как русалка.

– У меня имя есть, – прорычал, слепо находя губами ее губы.

– Олег, пусти, я запрещаю! Не нужно, жалеть будешь! Пусти, говорю, дурак! Ах!

Поздно. Он уже нашел грудь, точь-в-точь такую, как и представлял. Тяжелое полушарие ровно легло в его ладонь.

– Олег, м-м-м...

Да. Жар ее губ, сладость дыхания. Тонкий запах трав и женщины. Потянул ее за собой, уже почти не вырывающуюся, опустился на тюфяк и застонал от боли, прострелившей ребра.

– А я говорила, что рано тебе! Повредишь швы – на живую шить буду заново.

– Замолчи уже.

Усадил ее себе на бедра, раздвигая ее колени, оглаживая живот и бока.

Марика ойкнула, явно ощущая его желание. Не было смысла лгать себе: она хотела Ольга не меньше. Может, и больше. Но им совершенно точно нельзя. Надо его остановить. Сейчас... еще немного...

А потом стало поздно. Треск шнура на штанах, его дерзкие пальцы, такое долгожданное наполнение: тягучее, словно смола, сладкое, как мед. Его стон – уже не от боли, закусенная губа. Она-то его видела отлично. И чувствовала. Двинулась невольно, прогнулась, откинула голову, подставляя грудь под его ладони. И пропала окончательно.

Как давно она этого хотела...

Плевать на все. Сам напросился. Ладонями прижала его к тюфяку, шепнув:

– Тебе нельзя дергаться, убогий.

Сама повела эту скачку, управляя покорным своим жеребцом, то разгоняясь, то замирая и выгибаясь луком. И кричала, и пела, и ловила губами его рык, снова и снова. Выпустил он не птицу из клетки – демона ночного, что ищет жертву в темном лесу. Запомнишь ты ведьму, Олег, ох, запомнишь!

Посмеиваясь, Марика обмывалась остывшей уже водой, ежилась, дрожала. Вдыхала, догадываясь, что за удовольствия придётся платить.

– Олег... ты... мы зря это.

– Уже жалеешь? – Ольг самодовольно усмехнулся, подгребая под себя шкуры и ощупывая повязки.

– Жалею, – тихо ответила ведьма. – Надо же было тебе... Ну зачем?

– Я заберу тебя с собой, – пообещал княжич. – Будешь со мной в тереме жить.

Марика расхохоталась скрипуче, закуталась в одеяло, стиснув зубы и пошатываясь. Усталое сытое тело гудело, ноги подрагивали.

– Молчал бы, – зло бросила она. – Дай повязки проверю, герой!

– Да чего ты злишься, я серьезно! – не понял Олыг. – Не вру. Заберу.

– Говорила ведь я... А, ладно. Все равно не услышишь. Ну что, швы в порядке вроде. Я сейчас поесть приготовлю. А ты лежи.

Зашуршала одеждой, загрохотала чугунами обиженно. Но Олыг уже не слышал. Только сейчас понял, как ослаб, как ноют ребра. Глаза прикрыл на мгновение... И уснул.

Только утром его Марика и разбудила, всучив кусок пирога и чашку с отваром лесных трав.

– Мне в лес надо сегодня, – сказала тихо и очень холодно. – Наверное, надолго. Попробую до Поганого болота сходить за клюквой, ее в деревне продать можно будет за деньги.

– Даже не думай, – подскочил княжич. – Оно оттого так и называется, что там невесть сколько народу сгинуло! Я запрещаю!

– Кто ты, Олег, мне запрещать? Не муж, не отец, не хозя-

ин. Сиди уж. Каша с грибами в горшке возле печки, пирог на столе, весь не ешь, мне оставь немного. К ночи буду. А не буду... уже не пропадешь.

В груди Марики бушевала злость – не на него, на себя. От мужика что взять? Сучка не даст, кобель не залезет. Сама ему поддалась, женщиной себя почувствовала, как раньше, до проклятья. Дура! Ох и наплачется теперь...

Холодная злость выгнала ее из дома, увлекла в лес. Там было, как и всегда, тихо, спокойно, пусто. Стрекотали птицы, где-то шуршали травой гады болотные, мыши, колючники, может, даже ушаны. Никому тут не было до нее дела. Нет, не так. Она была частью этого леса, такой же хозяйкой, что и батюшка Бер. Особая власть, большая почесть, но и тяжелый труд. Впрочем, сейчас можно было отдыхать. Не падали из гнезд птенцы, не были голодные волки. Можно было просто слушать шуршание листвы, дышать влажным вкусным воздухом, глотать непрошенные слезы.

Женщина есть женщина. Не может она впустить мужчину в свое тело, не допустив сначала к душе. Привязалась она к Ольгу, прикипела. Спасла, выходила, знала каждую мышцу теперь на его теле, каждую ямку, каждую родинку.

Дура набитая.

До Поганого болота ноги сами ведьму донесли, а там уже не до саможаления было. Не ступала сюда ничья нога, кроме Марикиной, ягоды было немеряно. Брала самую крупную. Вот продаст, купит себе шаль цветастую. И платье новое.

Только зачем? Кто на нее смотреть-то будет?

А Ольг, заскучив, в один присест опустошив чугунок с кашей и умяв половину пирога, вдруг задумался. Посидел у окна, припомнил Марикины стоны по поводу уродливости – и решительно принялся разматывать повязку на глазах. Наверняка все зажило давно. Если ослеп – так тому и быть. Найдет себе дело по душе. Руки-ноги и то, что ниже пояса, на месте. К остальному привыкнет. Не всем князьями быть суждено.

А ежели глаза в порядке, то все увидит сам – особенно ведьму эту. Очень нужно ему взглянуть. А ну как она действительно уродина, каких свет не видывал? Вроде бы на ощупь у нее рот, нос, глаза имеются. Грудь опять же, талия, бедра. Что ж там такого страшного?

Виток тканевой полосы, еще один. Снял чуть влажную, остро пахнувшую травами повязку, убрал ошметки листьев. Сердце вдруг в груди заколотилось, как кохтский барабан. Страшно? Очень. Но он мужчина. Пора взглянуть своему страху в лицо... если он еще способен глядеть.

Попытался моргнуть, понял, что не может открыть глаз – ресницы слиплись. Бросился к ведру, едва не своротив лавку. Плеснул в лицо холодной водой, заморгал и понял: видит. Мутно пока, словно сквозь рыбий пузырь, что в окна бедняки вставляют, но обоими глазами. И не болит ничего, что уж вообще чудо.

Да это просто в избе темно!

Пошатываясь, вывалился на крыльцо и заорал радостно:
видит! Все он видит! Это ли не счастье?

Глава 6. Истина

Марика вернулась рано. Корзина наполнилась доверху словно сама собой, обратный путь показался ей коротким и легким. Проверила по дороге пару силков, забрала двух мелких птиц – есть там нечего, но в похлебку сгодятся. Привязала к поясу, поплелась дальше. И не устала почти, и повеселела немного. По пути подсчитала дни, сколько у нее Ольг уже. Выходило не меньше седмицы. И не понять – долго это или мало совсем. Кажется – всю жизнь с этим несносным рядом жила. А если по человеческим меркам – чужак он совсем ей, едва знакомый.

А ведь это натура у Марики такая: она везде чувствовала себя, как сом в омуте. К мужу пришла в дом младшей хозяйкой – все ей нравилось. Словно в его доме и родилась. И с матерью названной ужилась легко, и с сестрой. Ни с кем не ссорилась, всегда улыбалась.

А чего плакать, себя жалеть, слезы лить? Да, похоронила семью. И то не сама, дружина княжеская из Лисгорода могилы копала. Так ведь выжила единственная – это ли невыносимое счастье? Жизнь, круто на смерти замешанная, вдвойне слаще.

Потом у Зимогора жила, училась ведовству. Ушла оттуда – снова не плакала. В лесу поселилась – и там ей понравилось.

Теперь вот княжич, а она уже и привыкла. Как к котенку, наверное. Все же, когда кто-то дышит рядом (не вывертень, конечно, и не кикимора болотная, а теплый живой человек), приятно. Спокойно.

А ведь пора повязку ему снимать, время пришло. Что будет? Что Олег скажет? Ничего хорошего, это уж точно.

Вышла на поляну лесную, где ее дом стоял, и поняла разом: времени на сомнения не осталось. Олег ждал ее на крыльце. Голый почти, в одних штанах исподних. Широкая грудь серыми тряпками перемотана, волосы золотые взъерошены. Борода да усы клочками. Половина лица опухшая, бордово-черная, под глазами синяки. А глаза у него не голубые все же, а серые, как тучи грозовые. Злые-презлые.

С каждым ее шагом он все больше бледнел, даже попятился, уперевшись в дверь. Что, касатик, не нравится? А Мари-ка предупреждала! Да ты разве слушал?

– Кто... ты? – выдавил из себя княжич, сглатывая.

– Ведьма я лесная, Олег. Марикой зовут. Аль не признал.

– Да ты... старуха!

– Никак прозрел?

В доме Марики зеркал не было, но она и так знала, что он видит перед собою. Скрюченные морщинистые руки, седая коса, сутулые плечи, лицо как печеное яблоко. Зубы на месте, и на том спасибо.

– Я с тобой спал, – выдавил Олег, пошатнувшись, и Мари-ка не выдержала, расхохоталась.

– Околдовала меня, ведьма? Опоила, одурманила!

– Очнись, отрок. Никто тебя не дурманил. Это ты сам рвался в бой, как жеребец степной. Я ведь тебя отговаривала!

– Тварь развратная, – зарычал он в отчаянии, широко раскрывая свои грозовые глаза. – Да как таких земля носит?

– Не носила бы, так ты б подход в лесу, – холодно ответила ведьма, щурясь.

– Да лучше б подход, чем с тобой...

– Уймись, добрый молодец, – устало ответила Марика скрипучим, как ель, голосом. – Хочешь убить – убивай. Только побыстрее, а то устала я от твоих криков.

Он скривился весь, бросаясь в избу и вылетая оттуда с сапогами в руках.

– Знаешь ведь, ведьма, что за мной долг крови. Знаешь, что не убью, и радуешься! Будь ты проклята, тварь!

– Я уже проклята. Иди-иди, Олег. В Бергороде тебя уж схоронили, поди и дом твой поделили, и портки, и исподнее. Лети, голубь, отсюда. И дорогу забудь. Стой, одеяло возьми, укутайся. Не лето красное!

Конечно, не послушал. Босиком убежал, словно за ним волки гнались.

А она на деревянных ногах прошла в дом, даже дверь позабыв закрыть. Постояла, пошатываясь, не зная, куда себя деть, да упала на колени, взыв, как раненый зверь, уткнулась лицом в постель, ещё хранящую его запах. Марике ка-

залось, что у неё сердце сейчас разорвётся от боли. Теперь она в полной мере ощутила все проклятье Зимогора.

Когда-то она смеялась и пожимала плечами. Лицо? Тело? Это неважно. Мужчины ей не нужны, ее любовником будет лес. Она ведь – ведьма, а ведьмы такие и должны быть: старые и страшные. Зато жить будет долго, все ведьмы умеют брать силы у дубов, у рябин, у зелёной травы и голубых колокольчиков. Капля здесь, капля там – и вот ещё один год жизни. Все очень просто, если есть сила.

Сейчас Марики остро хотелось умереть. Тогда, в сожженной, изуродованной деревне не хотелось. Когда впервые себя увидела вот такой вот – не хотелось. Теперь же свет белый опротивел.

Вскочила, озираясь безумно, схватила нож со стола, поставила к горлу. Нажала, боли не чувствуя, только тепло и влагу.

А ведь ее учили, что жизнь, добровольно прерванная – самое жестокое преступление против всех сил добра. Человек, что от высшего дара отказывается, переродиться больше не сможет. Разве что – нечистой лесной, что с ней непременно и случится. Здесь ее никто не найдёт, так и останется ее труп гнить... истлеет со временем, мышцы косточки растащат. И встанет потом Марикика нежитью, русалкой или мавкой, или ещё какой дрянью, потому как мало, что ведьма, так ещё и неупокоенная. Хм, и Ольга всю жизнь преследовать будет в облике уродливом.

Словно разом отрезвела. Нельзя себя убивать.

К тому же... а вдруг она понесла? Было же... было! Конечно, Марика знала, что ведьмы так просто от обычных людей зачать не могут, но ведь так хотелось ей ребёночка от любимого! До тех пор, пока точно не уверится, что не беременна, и думать нечего о смерти.

Сама себя одернула, расхохотавшись скрипуче: старуха же. И спина болит, и кости ноют, и зубы шатаются. Проклятье, оно глубоко засело. О каком зачатии может вообще быть речь? Дура ты, Марика. Дура как есть. И что с того, что было бы тебе всего двадцать пять годов? Сто двадцать пять – теперь вернее.

А вот что: она Зимогору в ноги бросится. Умолять будет, выть и просить прощения. Авось смилостивится волхв, не совсем же он зверь? Если потребуется – и в постель с ним ляжет, перетерпит, глаза закрыв. Ничего, не помрет. Куда уж хуже-то?

Ольг пришел в себя только на полпути к деревне. Куда мчался, зачем? От врагов отродясь не бегал, а от бабы, глядишь ты, босиком ускакал! Хорош княжич Бурый, только б не узнал никто! Остановился, натянул на грязные ноги сапоги, огляделся. Тропу он еще днем приметил, когда вокруг все осматривал. Угадал, что в деревню ведет. А теперь уж дым видел, следы людского жилья, ветви поломанные, коле-

со вон деревянное в кустах. Кто бросил, зачем? Али примета какая? Не узнать уже.

Потер голые плечи, начиная замерзать, содрогнулся от боли в ребрах. О случившемся намерении в ведьминской избе думать себе запретил намертво, не сейчас, не сегодня. Других дел хватает: надо одежду найти, коня добыть. А денег у него, конечно, и нету. Ну да ладно, до Бергорода тут недалеко совсем, пошлет какого-нибудь деревенского мальчишку в терем, мигом дружина прибудет. Это еще странно, что его не нашли. Тупоголовые бараны, вот они кто. А впрочем, чему тут удивляться? Каков хозяин, таковы и псы.

В деревне, конечно, все на него поглазеть сбежались, да и неудивительно. Из осеннего леса вышел здоровенный мужик в исподнем и сапогах. Грудь в бинтах, а что с лицом творилось, Ольг даже представлять не хотел. Ништо, он не барышня, как-нибудь заживет. Главное, что глаза целы.

Люд здесь оказался сообразительным, тут же кто-то выкрикнул:

– Да это ж потерянный княжич! Живой, братцы!

– А мож, вывертень? – усомнился какой-то старик из-за плетеного забора. – Волки драли-драли, да не сожрали. Поди в стаю приняли!

– С бером я братался, – устало сказал Ольг, когда народ шарахнулся вдруг прочь. – Коли не верите и боитесь – дайте за серебро подержаться.

– Окстись, княжич, откуда у нас серебро? – весела спро-

сила дородная тетка в красном платке, повязанном хвостиками вверх, что заячьи уши. Олыг знал – так на самом юге носят, в Лисгороде. – Медь-то не всегда в карманах звенит!

– А ты мне молока налей, покорми, да гонца отправь в Бергород – авось, и серебро зазвенит, – хмыкнул мужчина.

– А так завсегда готова, пойдем в мой дом. Не только молока, и меда хмельного найду, и рубашку, чай, мужик мой немногим тебе в росте уступит, а в плечах и пошире будет.

Олыг кивнул, улыбнувшись неповрежденной половиной лица. Рубашка была ему нужна. Если еще и штаны бы нашлись – вообще дело. Пошел следом за бабой, оглядываясь, присматриваясь. Хорошая деревня, зажиточная. Кошки толстые, куры упитанные. Да и сами жители не выглядят забитыми или нищими. Надо думать, отсюда до Бергорода близко, торговля хорошо идет.

Смелая баба оказалась кузнечихой, дом у нее был большой, ах в три комнаты. Курятник был, свинарник, коза бляла в сарайчике. Олыг сел на лавку возле печи, стараясь не стучать зубами – все же он изрядно замерз, пока шел. Сначала не чувствовал от нервного возбуждения, но когда отпустило – начало трясти.

– Выпей-ка, княже, – кузнечиха сунула ему в руки большую глиняную чашку с чем-то горячим, пахнувшим медом и травами. И еще – ведьмой.

Олыгу тут же захотелось отшвырнуть от себя напиток, но сдержался, даже вида не показал, глотнул. Внутри разлилось

блаженное тепло.

– Марика тебя выхаживала, – утверждающе кивнула баба. – Это ее сбор, от простуды, от болезней. Поможет, точно говорю. Лицо бер тебе пометил?

– Да.

Говорить не хотелось, от одного только имени ведьмы в груди снова вспыхнула злость и возмущение. Промолчал, конечно.

– Чудом глаз не лишился.

– Да. – И посмотрел на болтливую бабу так мрачно, что та заткнулась мгновенно и, поклонившись, вышла, оставив Ольга наедине со своими сомнениями. В избе была жарко натоплена печь, и княжич, прислонившись к деревянной стене, прикрыл устало глаза.

Спустя некоторое время в дом вошел мальчишка, упитанный, щекастый, румяный и ужасно серьезный. Одет добротно, в сапожки да кафтан шерстяной, в руках шапку мнет.

– Княже, мамка мне велела ваше послание в Бергород передать, – нарочно принижая голос, заговорил отрок. – Вам бумагу и перо надобно, или на словах чего скажете?

Ольг хотел засмеяться важности “посланника”, но, конечно, не стал. Мальчишке явно хочется показаться старше и опытнее, чем он есть. Но видно по нему – дитяtko любимое, под мамкиным крылом выросшее. Поди еще и первенец, и единственный мальчишка из детей. Такому бы из теплой норки нужно в белый свет выбираться. Забрать его, что

ли, с собой? А то пропадет тут, в деревне, обабится совсем. Ну, поглядим, как он выполнит поручение, а там и решим.

– Звать тебя как, юноша?

– М...Марко.

– Вот что, Марко. Едешь тотчас же в Бергород, на коне скакать умеешь? Вот и славно. Спрашиваешь, где дом Андрия Бурого. Его найти несложно, он в центре, у самых княжьих палат, каменный, с зеленой крышей и высоким крыльцом. Там зовешь Никиту Плотника, только его и никого более. Будут спрашивать, зачем – не отвечай или наври что-нибудь. А Никитке уж скажешь, что Олыг, сын Андрия, в деревне ждет, бером подранный. Надобно одежду теплую, денег кошель и телегу. Не доехать мне верхом.

Олыгу вдруг стало тяжело и душно, по шее потекли капли пота, впитываясь в повязку. Ох, рано он от ведьмы сбежал, как бы не подохнуть теперь прямо здесь, в доме кузнеца.

– Все понял? Да скажи, чтобы лекаря Никитка взял и пока молчал, что я живой. Беги, Марко, поживее.

Парнишка кивнул, нахлобучил на кудрявую голову шапку и выскочил прочь. А Олыг обмяк на лавке. Силы окончательно его оставили. А никак кузнечиха все же его опоила? Иначе почему так хочется спать?

Глава 7. Живой

– Гляди ж, и вправду живой, – раздалось над его головой, и Олыг с трудом разлепил глаза. – Этого уродца даже предки не приняли!

– Я ещё здесь недостаточно нагадил, – прохрипел мужчина, садясь на лавке, где намеренно все же уснул, а не помер. – Что, Никитка, знатно вы обделались, потеряв княжича?

– Ой не говори, пресветлый, видел бы ты, что в Бергороде творится!

– Портки мои делят? – нехстати вспомнил слова Марики Олыг.

– Если бы, папашка. Куда интереснее!

Олыг насторожился. Слово «папашка» его словно плетью хлестнуло. Дураком он никогда не был, тут же понял:

– И много у меня деток народилось внезапно?

– Трое, ых. Два пацана и девка.

– И что, все мои?

– Да кто ж их знает, вроде и схожи.

Олыг крикнул озадаченно. Женщин у него было немало, но он обычно заботился, чтобы похождения его последствий не имели. Поглядел на стольника своего, которому не имел причин не верить. Тот откровенно посмеивался, внимательно разглядывая княжича. Был Никита ещё младше и дурнее Ольга, во всех пьянках, гулянках и драках рядом держался,

а поди ж ты, глаза встревоженные, даже испуганные.

– Ещё что мне знать надобно?

– Боярина Путилова в темницу бросили. Вроде как нашли у него письма, что тебя со свету сжить он хотел и с разбойниками о том договаривался.

Новость была удивительная, Олыг и не знал, что он вот такая кость в горле.

– На него подумали? – спросил хрипло.

– А да. Очень уж странно следы твои затерялись. Кровь есть и немало. Обрывки одежды есть. След, что тело волокли, есть. А потом – тайна великая. Ни следа, ни крови, ни листик не примят. Вот и решили, что окромя разбойников, никто б так не смог.

– Тем лучше для меня, – подумав, решил Олыг. – На площади уже объявляли?

– Первым делом.

– Одним соперником меньше. Разумеется, теперь его следует отпустить, деньгами извиниться... но бумаги-то останутся.

Никитка странно на княжича посмотрел и пожал плечами. Снова нахмурился. Невольно Олыг коснулся пальцами щеки. Больно не было, но ясно, что красиво уже не будет. Ну так он и не девка красная, чтобы из-за этого печалиться!

– Я ведь лекоря привёз. Звать?

– Зови.

Кругленький коренастый старичок, что служил Бурым

ещё при князе Андрие и, если верить байкам, самого Олга первого на руки взял, неодобрительно качая головой, трогал княжичевы раны на груди и щупал рёбра, а потом тихо спросил:

– Волхв врачевал? Словно не седмица, а луна целая прошла. Очень хорошо все, и зашито славно, а вот лицо хуже заживает.

– Ведьма меня нашла, – пришлось признаться Ольгу. – Чай, сильная.

– Хорошо, что ведьма. Ты, надеюсь, ей заплатил, не обидел? Ведьмин дар таков, что забрать назад здоровье может, если ее обмануть.

Ольг сглотнул и мотнул головой:

– Никитка, съездишь к ведьме, отдашь ей кошель с золотом.

– Понял, княже. Сейчас?

– Сейчас. Я пока позавтракаю. Тут недалеко, только с тропы не сходи, волки.

В избу заглянула хозяйка, окинула обнаженного до пояса Олга таким откровенно-жадным взглядом, что он вдруг устыдился своей раздетости. Впервые, наверное, в своей жизни. Раньше его подобные взгляды только радовали.

– Проснулся, княже?

– Ольгом меня зови, женщина. Я не князь и неизвестно, буду ли.

– Да куда ж ты денешься, после братания с бером? – хмык-

нула кузнечиха. – Так что, завтракать будешь?

– Голоден так, что и кошку бы съел, – признался Ольг. – Рубашку обещала... м-м-м...

– Лукерья я, по мужу Симеоновна.

– Запомнил.

Круглощекий Марко во всем помогал матери. Принес княжичу рубашку, помог надеть. Расставил на большом деревянном столе миски, достал из печи горшок с мясным варевом. Разложил ложки, налил из кувшина кваса в чашку, наломал хлеба.

– Пожалуйте к столу, Ольг Андриевич. И вы, господин лекарь, не побрезгуйте. А уж я вам послужу.

Ольг прищурился довольно, с удовольствием хватаясь за ложку. Лекарь тоже не отставал. Парнишка расторопно подливал квас, подавал хлеб, даже подсунул кусок ткани, чтобы Ольг мог вытереть жирные пальцы, которыми выловил из похлебки большой кусок мяса, не об собственные штаны. Трапезничал княжич медленно, никуда не торопясь, радуясь, что Лукерья свет Симеоновна куда-то делась. С Марко было спокойнее. Хороший парнишка, даром что слишком упитанный. Ничего, на княжичьей службе бегать будет – похудеет. Решено, берём отрока с собой. И мать явно того желала, и сам он рад стараться, да и деловой, все в точности выполнил.

– Что, Марко, поедешь со мной в Бергород?

Тот аж квас расплескал, глаза вытаращив. Засиял как медный пятак, но скакать, как ушан, не стал, ответил степенно:

– Коль берёшь к себе в дом, княжич, отказаться не смею.

– Молодец! Будешь при мне отроком: поручения всякие исполнять, письма носить, одежду чистить. В возраст войдёшь и славно служить будешь – в малую дружину возьму.

– Буду, княже! – все же не сдержал восторга парнишка. – В ногах спать буду!

– Собирайся тогда. Много не бери, мои домочадцы на всем готовом живут. Вот Никитка вернётся, и выезжаем.

Откинулся на стену, вздыхая. Обильная трапеза да разговор его порядком утомили. Нет, здоровым Ольга назвать ещё сложно. Разгадав тревогу княжича, лекарь уверенно сказал:

– Это все из-за волхования, Андриевич. Быстрое восстановление всегда силы отнимает. Потерпи, скоро бегать будешь. Пока тебе нужно больше есть и больше спать.

Ольг кивнул. Такое лечение ему было по нраву. Он и в самом деле бы с удовольствием поспал ещё несколько часов.

Никитка вернулся, когда княжич уже извёлся от нетерпения, сто раз пожалев, что обещал друга дождаться. И вернулся кислый, как та капуста у Ерофеевны, ключницы.

– Не приняла ведьма серебро, – сразу сообщил. – Ругалась непотребно, в меня мешком кинула да пообещала проклясть, если буду настаивать.

Ольг нахмурился было, а Марко, уже давно тихо как мышь сидевший на лавке с узелком в руках, удивленно вскинул брови:

– Так это же ведьма. Она деньгами и не берет. Ей бы яиц,

масла там, творога. Зачем ей в лесу серебро?

Ольг пожал плечами и вопросительно взглянул на Никитку.

– Понял, сделаю.

– Куриц ей купи еще. Живых. Сарай есть у неё, пригодятся. Я уж поеду, нагонишь.

– Добре. Езжай потихоньку. Там телега для тебя с сеном. Только в городские ворота спящим не въезжай, а то оплакивать будут.

Ольг фыркнул, а потом вдруг спросил друга:

– Ведьма – она какая?

– Ты не видел что ли? – удивился Никитка. – Старая она. Не страшная совсем. Седая, в платке, с клюкой.

– Ясно.

Княжич замолчал угрюмо, позволяя подхватить его под руки с двух сторон. И чего они с ним, как с немощным, возятся? Он сюда сам добежал, босой даже. Никитка меж тем накинул Ольгу на плечи чёрный бархатный плащ, что песцовым мехом оторочен, нахлобучил на буйну голову тёплую шапку, да еще пытался укрыть волчьими шкурами.

– Уйди, постылый, – рявкнул на него Ольг, удобно развалившись на сене. – Марко, почто с мамкой не попрощался, ну ка, дурень, целуй ее да обещай писать письма.

– Так не умею я писать, – шмыгнул носом парнишка. – А она и читать не умеет.

– Кто-то умеет же в деревне?

– Староста умеет. Учитель еще. И Глашка учится.

– Вот и славно.

Глашкой, видимо, звали сестру отрока, веснушчатую девушку, что пряталась за материной широкой спиной. На руках у кузнечихи была еще одна девочка, лет трёх на вид. А самого кузнеца Олыг так и не встретил, да оно и понятно. Работает. Не до баловства ему.

– Гляди, Марко, будет у тебя свой дом в Бергороде, и сестру заберёшь, – пообещал Олыг. – Поехали, что ли?

И телега, натужно скрипнув большими колёсами, покати-лась по дороге в сторону Бергорода. Марко уселся рядом с возницей, лекарь что-то шкрябал писалом на куске бересты.

– Чай, у нас денег на бумагу не хватает? – ядовито спросил Олыг. – Аль пергамент в лавках перевёлся весь?

– Дурень ты, княжич, – беззлобно ответил лекарь. – В телеге ведь самое оно чернилами да пером писать, да? Или прикажешь дощечки с собой возить? Бересту запросто найти можно, потом, дома, перепишу в тетрадь.

Обиженный Олыг недовольно засопел, но не нашёл, как ответить. Полюбопытствовал только:

– А пишешь-то чего?

– Раны твои описываю. Буду наблюдать.

– Ну-ну.

Небо над головой было хмурым, затянутым серыми тяжелыми тучами – совсем как Ольговы думы. Он вроде бы радоваться должен, что живой, что не калека, что домой едет,

но... Телега подпрыгивала на ухабах, ребра простреливало болью, вдобавок начали ныть виски. Хотелось выпить развеселой медовухи, подмять под бок пухленькую девку и забыть весь тот ужас, что с ним произошел. Ведьма, вот же ведьма! Околдовала, голову вскружила. Поди ж ты, старуха, а скакала на нем задорно и стонала так, словно!

Тьфу, не думать, не думать об этот. Мужчине подурнело разом, поплыло все перед глазами, пот выступил на висках.

– Фрол, а ну останови, – крикнул лекарь. – Эй, Бурый, ты никак сомлеть мне вздумал? Что, болит где-то? Швы дай погляжу.

– Слабость просто накатила, – просипел Олыг. – Поехали уже. Чем быстрее дома будем, тем скорее на ноги встану.

– А ежели ты у меня в дороге помрешь, меня твой Никитка повесит за ноги на воротах, да?

– За большие пальцы рук, – скривил губы княжич. – Так оно повеселее будет.

– Вот именно, – лекарь принялся копать в поясной суме, наконец, извлек оттуда странного вида шарик, смахнул с него крошки и бесцеремонно затолкал Ольгу в рот. – Сонное зелье. Спи, так не больно будет.

Олыг хотел было возмутиться, даже заорать на лекаря, приподнялся даже, но боль плетью хлестнула по ребрам, щека запульсировала, а перед глазами закружились мухи. Через несколько минут он уже спал, не заметив даже, что начался осенний дождь, мелкий и противный.

– Марко, что про ведьму местную говорят, добрая аль злая она? – негромко спросил старичок отрока.

– Мамка говорит, добрая, хорошая. Всем помогает, зла никому не творит.

– Будем надеяться. Ох, знаю я Ольга, буйная у него головушка. С ведьмой поругаться – хуже и не придумаешь. Ну дай бер, обойдется.

Глава 8. Бытие княжеское

Небо над головой было хмурым, затянутым серыми тяжелыми тучами. Точь-в-точь, как глаза у Ольга. Марика выругалась сквозь зубы, с ненавистью прислушиваясь к кудахтающим в сарае курам. Деньги она не взяла, еще и наговорила посланнику Олега всякого... Денег он ей кинуть решил, словно нищенке! Нет, словно блуднице! Подумала и сама над своими мыслями рассмеялась. Хороша блудница – седая, в морщинах и с согбенной спиной! В очередь вон княжичи выстраиваются!

А этот наглец все равно ее обхитрил, оставив у дверей домика две больших корзины. В одной – сыр, творог, масло да печатный пряник, а в другой – две живые курицы. Кур пришлось посадить в сарайчик, не резать же их, в самом деле! Убивать живность Марика не любила, жалела. Голодной зимой могла еще зайца из силка зарубить, да и то, если он уже не жилец был, а кур вот запихала в сарайчик, злясь. Ну и зачем ей куры, их ведь кормить надо! Да еще лисы ходить начнут! Дуралей щедрый! А под сыром и кошель нашелся, похудевший, но приятно звенящий монетами. Что ж ей теперь, бежать в деревню, чтобы вернуть? Делать нечего!

Горевать Марика не умела. Плакать тоже. Так, немного повыла, злость и обиду свою выплеснула, да и делами занялась. К зиме готовиться надо, грибы, ягоды сушить, хорошо

бы зипунишку себе сшить из тех заячьих шкур, что накопились в сундуке. И, конечно, несколько раз сходить на болото за клюквой, раз уж ее так охотно берут в деревне.

Ничего в жизни ведьмы не поменялось, да и не могло поменяться. Даже будь она первой раскрасавицей, кто она и кто княжич? Чай не сказка ее жизнь, не поселит ее Олег в тереме высоком, да и что ей там делать? Ворон считать и сенных девок гонять?

Было и было, нечего о том жалеть. Вспоминать можно с нежностью и удовольствием. Смеяться, представляя себе искаженное ужасом лицо княжича, когда он увидел ее настоящую. Рассуждать о том, что Зимогор, наверное, проклятием своим злым спас Марику от разбитого сердца: в Олега она почти что влюбилась, а он все равно бы ее покинул. А плакать не нужно, о чем тут плакать?

Тем более, что Лукерья, исправно за клюквой прибегавшая, почесать языком была здорова и рассказала уже, что все у Ольга хорошо, даже дитятей уже обзавелся. Сыночек ее записочку матери передал, где описал свою бытность в должности отрока княжича. Марика покивала, да из головы красивого мужчину выкинула. Не ее поля ягодка.

В Бергороде, в Ольговом тереме, что ему от отца остался в наследство, было беспокойно. Сумрачный княжич с отчаянно разболевшейся после долгой поездки головой не хотел ничего решать, хотел лишь упасть в свою постель, закрыть

ставни и в темноте вылакать целую бутылку крепкого вина. Но кто ж ему даст-то?

Встречать пропажу выбежали всей челядью: и тиун, и ключница, и отроки, и сенные девки, и кухарки, и огневщики. Все хотели увериться, что свет их княжич-батюшка жив и почти что невредим. Олыг растягивал губы в улыбке, кивал, про себя хладнокровно размышляя, что половину придется гнать прочь: нагнавший их на полпути Никитка многое рассказал о том, что творилось в тереме. Под шумок пытались домочадцы своего “батюшку” обнести, а кто-то даже и преуспел.

– Что за история с детьми? – спросил Олыг у тиуна, дядьки Ермола, верою и правдою служившего еще князю Андрию.

– Три бабы заявили, все уверяли, что родили от тебя чадо, – подергал седые усы Ермол. – Два сына, стало быть, и дочка.

– Что за бабы?

– Настасья, вдова булочника привела мальчонку двух годов на вид.

– В шею гоните. Я, конечно, дурак, но до девяти считать умею. Я с Настасьей пару раз был, не больше года назад. Не ведаю, где она дитя взяла, но это не мой. Дальше?

– Велеслава из Лисгорода, девка боярыни Вольской. Девочке четыре года, по весне родилась.

Олыг вздохнул. Это было похоже на правду. С Велеславой он спал долго и много – по юности своей, пока в доме у

Вольских жил. Что она понесла и не сказала ничего, объяснить несложно. Выдали Велеславу замуж за кого-то из дружинников, ребенка тот, видимо, принял. Теперь же привезли, потому как на наследство рассчитывали. Хоть и девка всего лишь, а кусок достанется.

– Третья кто?

– Злата Мельникова дочь. Сыну ее...

– Эту тоже в шею, – перебил княжич. – Она меня из опочивальни выставила, не было у нас ничего.

– А девочка?

– Приводи, на девочку посмотрю. Зовут как?

– Варька.

Княжич закатил глаза, падая на лавку. Варька! Как коза какая-то! Ну, Велька, ответишь еще, за то, что дочку Бурого назвала таким глупым именем!

Привели девочку: тихую, испуганную, с огромными серыми глазами. Обычный ребенок, только худой очень, заморенный. Хотя Ольг в детях и не понимал ничего.

– Говорит хоть? – с тоской спросил у ключницы. – Или малахольная?

– Говорит, княже, умненькая девочка. Пугливая только.

– Раздень ее. Да не хлопай глазами, дура. Знак я погляжу. Если есть – точно моя.

Круглое родимое пятно под лопаткой твердо убедило Ольга – дочка от него. Что ж, вот он и стал отцом. Рано и неожиданно, но обратно дитя уже матери в живот не запихать.

– Варвара, стало быть, – задумчиво протянул княжич. – Марфа, нянька нужна будет. И горницу Варьке выделим самую светлую. Стены побелить, кровать сколотить, лавки коврами застелить. И надо будет подружек ей найти, у тебя внучка вроде была?

– Имеется, Олыг, чуть старше. Осьми годков.

– Внучку приводи, будет жить при тереме. Ермол? У тебя кто?

– Пять внуков, княжич, все парни.

– Бывает и такое. Найди мне, в общем, еще пару девчонок, будут девками при дочери моей. Да объявить на площади надо, что Варвару я дочкой признаю.

– Беровой тропой ее вести? – тихо спросил тиун.

– Ну а куда деваться? Признает ее бер, тут другого не дано.

–

– –

Сам Олыг к беру идти теперь разумно опасался. Что ж, время еще есть. Пусть Варька пообвыкнется в тереме, к нему привыкнет. Дитя малое ведь, от мамки впервые оторванное. Себя Олыг в этом возрасте не помнил, знал только по разговорам, что болел много, а немного постарше стал – так его иштырцы украли. А Варька, хоть и мелкая, а болезненной не выглядит.

– Поди сюда, дитя, – тихо и как мог ласково позвал девочку. Даже с лавки сполз и на пол уселся, чтобы в лицо заглянуть.

Малышка послушаться не посмела, приблизилась к страшному дядьке, крупно дрожа, едва не стуча зубами.

– Знаешь, кто я?

Покачала головой.

– Тятка я твой теперь. Скажи мне, Варя, чего ты хочешь? Игрушек, может? Сладостей? Наряд новый? Бусы? Чем мне тебя одарить?

– Ушанчика, – шепнула девочка, смешно тараща глазенки. – Живого, чтобы прыгал, – подумала и добавила: – И бусики красные.

– Будет тебе ушанчик, будут и бусы, – пообещал Ольг, протягивая руку и трогая мягкие светлые прядки волос, выбившиеся из-под платочка. – Запомни, милая: в этом доме ты – теперь княжна. Никто тебя обидеть не посмеет. А если обидит – мне сразу говори. Я разберусь. Поняла? А теперь беги, тятка щас встанет... может быть... и в кроватку пойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.